

Страница для модной молодежи.
Ведущая — Капитолина ДЕЛОВАЯ.
Фото — Василий КУДРЯВЦЕВ.
Design — Анатолий ГУБАНОВ.

Ровно три месяца назад она вышла из тюрьмы, получив весьма странный судебный приговор: «Виновна в хранении наркотических веществ с целью сбыта... Определить наказание ниже низшего предела (а она — пять лет заключения. — К.Д.) из-за склонности подсудимой к суициду...» Алине Витухновской. поэте, обвиненной в продаже наркотиков, присудили ровно те полтора года, что она уже провела в КПЗ, и выпустили на свободу через два дня после суда. Отношение к самой Алине и к той темной истории, в которую девушка в свое время вляпалась, очень разное в разных, что называется, тусовках. Напомним суть происшедшего: три с лишним года назад Витухновскую задержали у входа в метро сотрудники ФСК в момент передачи неким подростком некоей баночки с порошком... Но скоро отпустили почему-то... И вновь арестовали уже после обыска в ее квартире (где якобы нашли прорву коробок с «кислотой» и ЛСД, хотя на суде как вещдок официально фигурировала только бумажка со слабым следом какого-то порошка). Следствие и процесс длились очень долго и мучно, приковав дикое любопытство общественности. Еще бы: впервые судили известного персонажа, да еще по такому животрепещущему поводу — драгдилерство! Одни (PEN-клуб и группы авторитетных писателей) посылали письма в правительство: Витухновская — поэт, чей талант граничит с гениальностью, прекратите эти происки. Другие (органы) утверждали, что девушка — банальный наркокурьер, таскающий из Питера в столицу партии ЛСД. Третьи (некоторые компетентные юристы) говорили, что Витухновская стала обычной жертвой спецслужб, сфальсифицировавших нарकोдело. А четвертые (богемные личности) усмехались: уж не знаем, как насчет гениальных стихов, а вот «промокашками» (ЛСД) у Алины часто можно было разжиться. В любом случае — дело закрыто, точка поставлена (хотя адвокаты Алины строчат апелляции в надежде совсем отменить приговор из-за грубых ошибок следствия), можно расслабиться и просто поболтать за чайком на кухне о том о сем...

ЧАЙ

ДРАГДИЛЕРШЕЙ

Витухновская не стесняется этого слова. Она отмотала за него свой срок

неадекватное выражение меня. — Что такое обычные стихи? — Там, где общепринятые слова,

нет специально перепутанных слогов, букв и т.д. Сочинять стихи я стала в три года. А записывать их — лет в 5-6. Хотя писать стихи — на са-

мом деле вовсе не то, что мне нужно. Я просто жила среди людей искусства, меня водили по выставкам, и казалось: раз на искусство так сильно реагируют, оно и есть способ манипуляции сознанием масс. Если бы я с самого начала поняла, насколько искусство малоэффек-

тивно, я стала бы заниматься чем-то другим. Но теперь, кроме стихов, я ничего не умею.

— Ну а ты пробовала себя еще в чем-то? — Я просто никогда не собиралась жить. Мне казалось, что куда-то не туда (не в тот мир) попала и вот-вот должна исчезнуть.

— Ты думала о смерти? — Я и умирать не собиралась. Когда-то я написала: «Вопрос не в том, чтоб БЫТЬ или НЕ БЫТЬ. Как избежать обоих состояний?»

— М-да, сугубо сказано. А вот говорят, тюремный опыт для человека творческого — вещь полезная?

— Это пустая трата времени. Если из заключения не делается некая акция, конечно. Вот до тюрьмы я очень мало улыбалась, а в клетке — смеялась больше всего. Важна неадекватность реакции. Мрачная тюремная реальность мною не впи-

тывалась, я не погружалась в нее и не получала никакого опыта.

— Но, скажем, тот же Солженицын построил всю свою писательскую карьеру на личном опыте лагерей!

— Если описывать ужасы — они начинают существовать. А человеку, мыслящему глобально, это смешно, это аттракцион, декорация.

— Когда тебя с пенной у рта защищали авторитетные писатели, ими не ставился вопрос: виновата или нет, продавала наркотики или нет. Говорили: это — неважно. Поэт просто не должен сидеть в тюрьме! Но разве поэт не может быть злодеем?

— Может. Но некое исключительное существо все же заслуживает особого подхода (я не о себе, а абстрактно говорю).

— А если это как бы исключительное существо совершает убийство? Или крадет, мошенничает?

— В любом случае исключительное существо нельзя изменить, исправить тюрьмой, напугать.

— Тебе самой не кажется нелепым сравнение тебя с Иосифом Бродским, пострадавшим от произвола властей?

— Мне непонятно, когда меня ставят в какие-то ряды: то — к Маяковскому, то — к Бродскому, то — к Цветаевой. Еще: «Наркоман и убийца Уильям Берроуз, вор Жан Жене и драгдилер Витухновская». Такие тоже были параллели. Хотя если свести все к картинке для обывателя: «суд над поэтом» — может, и допустимо проводить такие аналогии.

— Тебе вынесли мягкий приговор из-за склонности к суициду. Значит?

— Когда я попала в Бутырку в 94-м, мои адвокаты говорили: раз дело затяло ФСК, Институт Сербского — твой единственный шанс. А я лет в 16 посещала врачей, мне было интересно, что обо мне скажут психиатры. Хотелось, чтобы изменили мое состояние, у меня присутствовала постоянная жизненная мрачность. Контакты закончились ничем — но справочки отсюда остались.

— В справочках значилось, что ты лечилась от шизофрении? — Что я консультировалась. Там были и некие мотивы самоубийства, но это чисто подростковые провокации, рефлексии.

— А твои стихи тоже подвергали психиатрической экспертизе?

— «Последнюю Старуху-Процентщицу Русской литературы» отправили в Институт Сербского по инициативе судьи, что повергло в изумление всех психиатров. И они отказались их обследовать. Ладно, были бы это личные записи, дневник. Но это, извините, литература. Врачи сказали: «Знаете ли, мы и Пелевина читали, так что все понимаем и изучать стихи не будем».

Роман с феномином

Алина, честно говоря, стеснялась нашей встречи, хотела оттянуть ее, дабы привести себя в божеский вид и набрать более-менее спортивную форму.

— Тюрьма очень толстит. Там ничего не делаешь — только ешь и лежишь. Потому я пополнила сильно, и теперь надо сбрасывать.

— По телефону ты сказала, что в тюрьме был некий отдых, а выйдя, ты сразу попала в жесткий жизненный ритм и тебе не очень-то легко...

— Тюрьма — место, где меня просто вынудили ничего не делать. Даже писать там нельзя, потому что постоянные шумы, какие-то движения, телевизор... Письма можно писать кое-как — и все. Мне же все время надо что-то делать, мне кажется — я упускаю время...

— А ты сидела не в одиночке? — Там нет одиночек. Есть общие камеры — мест на 40—50, есть «спецы» на 5 человек и «полуспецы» на 12. Я находилась в «полуспец».

— Это Бутырка, да? — Нет, это 6-й изолятор, новая тюрьма, которую недавно открыл Лужков очень пафосно. В Бутырке я сидела в первый раз. (Алину арестовали в 94-м, потом отпустили, отправив дело на доследование; взяла под стражу во второй раз прошлой осенью прямо в зале возобновившегося суда. — К.Д.)

— От темы наркотиков нам в этом разговоре точно не уйти... — Я знаю... Видно, ближайшие несколько месяцев я буду выполнять функции Гиарометцентра, потому что в этой стране тема фашизма и наркотиков заменила тему погоды. Хотя чем больше разговоров, тем меньше толку.

— Но наркотики ты ведь сама принимала все же? — Ну... Пробовала. Для меня наркоманы — что-то недостижимое: я не способна к такой концентрации энергии — где-то бегать, что-то искать, терпеть все эти состояния «пост», бесконечные ломки. Мне понятен человек, потребитель, который что-то пробует три раза в год (меня можно отнести к таким), но сущность наркомании от меня настолько далека... Просто зря тратить время, портить свой организм... Мне эти люди неприятны, но, когда я вижу, какая против них идет огодотелая борьба, я становлюсь, пожалуй, на их сторону. Вот в тюрьме, например, в 95-м году сидели сплошные толстые тетки: тетка, убившая мужа, тетка, обвесившая покупателя... Теперь там куча девочек симпатичных в ботинках «Доктор Мартин». Совершенно другая тусовка, молодежная.

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках? — Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Да, первую статью про ЛСД, «кислоту» и т.д. Еще не было никакого «Птюча» и «Ома»... У меня друг работал в «Новом времени», ему нравилась моя книга, и он попросил написать статью. Любую. Хотелось актуальности все же — а это было время напыла ЛСД (начало 94-го года), и все вокруг бежало с таким загадочным видом, как будто это что-то суперособенное... Я не могла понять некоторых своих друзей, которые говорили: мол, это так действует на искусство, это меняет сознание! Не как некий гуманистический врач пекался об их здоровье: просто мне казалось, что в человеке очень много рабского, он постоянно готов быть жертвой какого-то воздействия. Допустим, когда я что-то писала еще в детстве, я замечала, что у меня не бывает никакого вдохновения, никаких порывов, про которые пишут в книжках: стихи приходят от музыки или от Бога. Мне хотелось создавать все изнутри себя, ничего извне. Не желаю быть следствием каких-то причин и объектов чьих-то воздействий, неважно, Бога или

— Ты написала одну из первых концептуальных журнальных статей о наркотиках?

— Ты говоришь, к тебе прицепились, потому что хотели сделать из тебя осведомителя? — Видно, кто-то неверно осведомил о степени моей информированности. Помимо того что я действительно знала о потребителях — более-менее известных людях, арти-

стах-художниках, мелких торговцах, — мне задавались вопросы об адресах лабораторий, изготовителя ЛСД... Три дня приходили ко мне в Бутырку: я молчала, молчала — на четвертый день на вопрос об изготовителях решила пошутить. Вспомнила начало своей статьи и говорю: в 1943 году швейцарский химик Альберт Хофман изобрел ЛСД! Людям в таком бешенстве я не видела никогда! После этого сказали: все, посадим тебя на 8 лет.

— Ты думаешь, кто-то на тебя навел, кто-то тебя таким образом подставил? — Как выяснилось, вся эта тусовочная среда настолько кишит мелкими осведомителями! Я раньше не верила, что что-то прослушивается, что кто-то собирает какие-то сплетни, что вся эта информация куда-то передается. Мне это казалось параноидальными выдумками. Но в тюрьме я иногда заглядывала в чужие уголовные дела — там были такие чистосердечные признания!..

— Сейчас ты, наверное, боишься тусовочной жизни? Возник страх перед подлостью друзей-приятелей? — Мне нравится мое положение, оно лучше положения тех, кто ходит и сдает!

— Знаешь, мне говорили некоторые довольно известные персонажи, что у тебя в свое время действительно можно было разжиться таблетками, что они конкретно брали у тебя!

— Я уже говорила, что совершенно не собираюсь рушить образ этакого драгдилера. Ведь имиджу поэтессы должно быть что-то противопоставлено. Просто я хочу всех запутать.

— Ты лично знала крупных московских наркотоделовцев? — Да, знала. Тогда драгдилеры были ведь не как сейчас, какие-то героиневые подозрительного вида подростки, которых интересуют только деньги. А такие были... Люди искусства. К деньгам они относились вообще несерьезно.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

— Ты тоже себя считаешь богемной девушкой? — Ни в коем случае. Богема — это что-то вырожденческое. Я, впрочем, в отличие от тебя никогда не пользовалась этим термином: богемный персонаж. Не знаю, кто это. Теперь, видимо, так называется рэйверская тусовка, а раньше это был андеграунд. Немногочисленные люди, получавшие самую продвинутую, изысканную, редкую информацию по поводу музыки, кино, искусства. Как только началась популяризация этого искусства не для всех, как только появились все эти модные журналы, все это стало навязываться обывателю — произошло слияние между обывателем и так называемыми андеграундными людьми. Тогда все и погубило. Вся альтернативная культура начала 90-х полностью погублена и полностью дискредитирована.

Внедрение вундеркиндов

— Какие, к примеру, тиражи у твоих книг? — Маленькие. От 300 до 3000 экземпляров. Сейчас выйдет «Роман с феномином» — это то, что писалось в Бутырке, и то, что было дополнено и оформлено впоследствии. Там будет большой тираж — тысяч пять. Это проза: мои дневниковые записи в тюрьме плюс письма моим друзьям и мои ответы. Речи о наркотиках (несмотря на название) там вовсе нет, идет речь о ситуации в молодежной и правоохранительными органами. Есть там некое «Послание для всех»: «Попасть сюда может каждый, преступления совершаются без вашего участия!»

— И кто же будет выпускать эту книгу? — Частный издатель.

— Ведь издать книгу сейчас может любой левый удач... А богемные детки издадут книжки мизерным тиражом на деньги родителей, совершенно не беспокоясь: прочтет ли их кто. Так, ради пафоса все.

— Издавать сейчас стихи большим тиражом вообще не имеет смысла, даже стандартные, общепринятые стихи. Их все равно не купят. С небольшим тира-

жом книга попадает в тусовку, в определенную группу людей, и ее редкость придает ей как раз некую ценность. То, что ее невозможно купить за углом. Некое подобие андеграунда.

— И ты издаешь все на деньги родителей? — Да. Хотя они — умеренно обеспеченные люди. Я всегда жила на родительские деньги. Мне кажется: это совершенно не мое — зарабатывать деньги.

— Ты живешь с отцом-коммерсантом? — Раньше жила. В данный момент в квартире я и тетя, бабушкина сестра. Бабушка приезжает на несколько дней, а основное время проводит в мастерской. Я родилась в том доме, где сейчас бабушкина мастерская, и росла с бабушкой и ее знакомым художником. Моя бабушка Софья Витухновская — довольно известный график, ее картины покупала Третьяковка, разные музеи. Раньше говорили: а, вы внучка той самой Витухновской. Сейчас говорят: а, вы бабушка той самой Витухновской!

— Твои родные реагировали на всю эту историю однозначно? То есть не было сомнений, подозрений, что действительно ты — наркоманка и втянута во что-то темное?

— То, что я — не наркоманка, они знают точно. Они были полностью убеждены в моей правоте, а даже если бы не были — вели бы себя так же, как ведут: продолжали бы меня спасать и защищать.

— У детей-вундеркиндов, как правило, болезненное, изломанное, проблемное детство. Отвержение сверстников, одиночество, психические срывы...

— Лет до 6-7 я вообще отказывалась общаться с детьми, и потому проблем с ними не имела. А в

школе я, хоть и чувствовала себя совершенно посторонней, все равно внедрялась во все, поскользкая жаждала самоутверждения в своих же глазах. И я поняла, что могу находить контакт с детьми, играть в их игры, при этом будучи другой. Хотя, видимо, внедряюсь я в жизнь не своей ис-

тинной сущностью, а какими-то поверхностными формами. Ведь у людей — свой обычный мир, а у меня — что-то другое.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Капитолина ДЕЛОВАЯ.

— Ты уж точно: вундеркиндом быть — не водку, понимаешь, пить! Тяжело и обременительно: для себя и окружающих.

Злодеи плюс поэты

— А вот твои собственные стихи, к примеру. Тебе приходится слышать про них: мол, это какой-то наркоманский бред, а не стихи? — Но такие стихи я ведь писала с детства. Сначала, конечно, были обычные стихи, потом мне показалось, что это —